

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ

УДК 339.166:675(571.1./5.)

А.И. РАЗДОРСКИЙ

ПУШНАЯ ТОРГОВЛЯ И ПРОМЫСЛЫ В ТРУДАХ П.Н. ПАВЛОВА

канд. ист. наук,
Российская национальная библиотека (РНБ),
г. Санкт-Петербург,
e-mail: razdor@nlr.ru

В статье подробно проанализированы монографии историка П.Н. Павлова (1921–1974) «Пушной промысел в Сибири XVII в.» и «Промысловая колонизация Сибири в XVII в.», изданные в Красноярске соответственно в 1972 и 1974 гг. Отмечен его вклад в изучение развития пушного промысла и пушной торговли в Сибири. Большое внимание уделено источниковой базе исследований, прежде всего сибирским таможенными книгам, которые являются основным источником для изучения указанной темы. Описана методика обработки этих документов, применявшаяся Павловым, приведены суждения ученого по поводу полноты и достоверности информации, содержащейся в таможенных книгах. Перечислены статистические показатели, полученные Павловым в процессе изучения таможенных книг и других источников (цены на сибирскую пушнину, объемы торговли мехами пушных зверей и изделий из них, размеры добычи мехов, объем вывоза меховых изделий из Сибири). Изложены взгляды Павлова относительно степени развития сибирского пушного промысла до присоединения Сибири к России, времени расцвета внутренней и внешней торговли пушшиной. Акцентировано внимание на сопоставлении Павловым contemporaneous показателей, характеризующих место пушнины в экономической жизни России в XVII в. и в последующий период (объемы добычи пушнины, соотношение мехов разных пушных зверей в структуре добычи, доля пушнины в государственном бюджете). Рассмотрен вклад Павлова в исследование производственно-технической и экономической стороны организации пушного промысла.

Приведены его наблюдения, касающиеся процесса народной промысловой колонизации Сибири, ясачной политики, отношения государства к частному пушному промыслу, взаимоотношений, складывавшихся между русскими промышленниками и местным населением, практики использования охотничьих угодий. Представлены взгляды Павлова о территориальном происхождении промышленников, эволюции мелкотоварного уклада и крупного предпринимательства, а также о сущности «покрытия» в сибирском пушном промысле.

Ключевые слова: пушная торговля, пушной промысел, промысловая колонизация, Сибирь, П.Н. Павлов, таможенные книги, экономическая история.

Имя советского историка Павла Николаевича Павлова (1921–1974) хорошо известно всем исследователям, занимающимся социально-экономической историей России XVII в. Перу этого ученого принадлежат две монографии, в которых на основе тщательного и всестороннего изучения широкого массива разнообразных источников детально реконструирована картина развития пушной торговли и промыслов в Сибири указанного периода.

Первая монография – «Пушной промысел в Сибири XVII в.» – вышла в свет в Красноярске в 1972 г. Значение пушного промысла в Сибири в период ее начального освоения русскими людьми общеизвестно. Торговля сибирской пушшиной, находившей спрос на русских и зарубежных рынках, содействовала развитию экономических связей Сибири с Европейской Россией, способствовала накоплению крупных купе-

ческих капиталов. Сибирские меха являлись важным источником пополнения государственного бюджета. Поэтому отдельные аспекты истории пушного промысла и торговли мехами издавна находили отражение в отечественной исторической и краеведческой литературе. Тем не менее до выхода в свет книги Павлова эта тема в масштабах всей Сибири не была обобщена. В публикациях историков и краеведов преобладали лишь попутные упоминания о добыче и продаже сибирской пушнины, которые, порождая ошибочное представление об изученности данного вопроса, нередко создавали ложное впечатление о пушном промысле как о попутном, побочном занятии сибиряков.

В связи с тем, что многие вопросы эволюции сибирского пушного промысла в XVII в. были слабо изучены и вызывали споры среди историков, первостепенное значение приобрели конкретные количественные

показатели, сопоставимые между собой в хронологическом и территориальном отношениях. Этими сообщениями и был предопределен выбор Павловым основного источника своего исследования – таможенных книг. Основной массив этих документов по Сибири сосредоточен в фонде Сибирского приказа РГАДА. Среди источников данного типа наибольшую ценность для изучения заявленной темы, по мнению ученого, представляют приходные книги натурального сбора десятинной пошлины с промышленной и перекупной пушнины – так называемые «соболиные книги».

Павлов подчеркивал, что таможенные книги, имевшие значение отчетных документов, велись с особой тщательностью, в них крайне редко встречаются описки и неточности. «Таможенные книги, – отмечал ученый, – не отражают полностью состояние русского пушного промысла, потому что промышленники стремились, и это им иногда удавалось, обойти таможи или скрыть от таможенной администрации часть добычи. Однако эта часть не могла быть особенно большой: промысел производился артелями с уравнительным разделом добычи, промышленники были “на виду”. Едва ли рядовые охотники, добывавшие большую часть пушнины, вступали в незаконные сделки с таможенниками. В широких масштабах, по-видимому, это не делали и крупные промышленники. Добыча их покрученников также хорошо была известна. Во всяком случае, должность таможенного головы не была “доходной”. Известно, что торговые люди от нее всячески отказывались. В целом учет пушнины частного промысла в XVII в. можно считать удовлетворительным» [1, с. 36]. Оценка, данная Павловым таможенным книгам, а он был знатоком этих источников, особенно важна сегодня, когда некоторые историки (как правило, большинство из них никогда не занимались сколько-нибудь систематическим прикладным исследованием этих документов) высказывают радикально негативные взгляды по вопросу их полноты и достоверности.

Заслуживают внимания рассуждения Павлова и относительно методики обработки таможенных книг. Он отмечал, что для получения обработанных данных необходимо проводить сплошной подсчет по всему документу, так как общие итоговые показатели в нем отсутствуют. Поэтому при использовании таможенных книг «целесообразно было их переписывать по форме ведомостей, занося в особые графы дату платежа пошлины, имя плательщика, его социальное положение, территориальное происхождение, состав и количество пушнины и размер пошлины. Такие “ведомости” компактнее, нагляднее, пользоваться ими удобнее, чем книгами со сплошным текстом, занимающими иногда свыше 500 страниц» [1, с. 36]. Перед нами не что иное, как описание методики систематизации и обработки данных таможенных книг посредством составления регестов, которая применяется и в наши дни. Разница состоит только в том, что сегодня составление регестов производится с помощью компьютерных технологий, тогда как в распоряжении Павлова имелись только авторучка, лист бумаги и бухгалтерские счета. Именно с помощью последнего

инструмента им и были выполнены многочисленные и чрезвычайно трудоемкие вычисления статистических показателей, извлеченных из таможенных книг и тщательно проанализированных в монографии.

Павловым были изучены таможенные книги по Мангазейскому, Якутскому, Енисейскому и частично Илимскому уездам (погодного списка использованных книг в работе, к сожалению, не приведено). На основании показаний этих источников, а также данных, содержащихся в опубликованных таможенных книгах городов Северного речного пути (Устюга Великоле, Сольвычегодска, Тотьмы), ученый рассмотрел положение, занимаемое пушниной во внутренней и внешней торговле России этого времени. Большую самостоятельную ценность представляют многоаспектные данные о ценах на сибирскую пушнину: об изменениях в динамике цен на нее в течение XVII в., о соотношении местных, сибирских, цен на меха и цен в европейской части страны, в частности в Москве, о сравнительной стоимости мехов различных пушных зверей по отношению друг к другу, о ценах на меховые изделия (шубы, одеяла и др.). В книге Павлова помещены также сведения (приведенные только в качестве примеров, а потому не систематизированные) об объемах торговли мехами пушных зверей и изделий из них в разных сибирских городах в отдельные годы. Наблюдения, касающиеся непосредственно сферы пушной торговли, сопоставлены с детально разработанными количественными и стоимостными погодными показателями добычи мехов в различных сибирских уездах. В исследовании Павлова содержится немало развернутых статистических таблиц, отражающих объем вывоза меховых изделий из Сибири в середине XVII в. (по Березовскому, Мангазейскому, Илимскому уездам и Центральной Якутии), удельный вес различных социальных категорий населения в скупке пушнины в Якутске в это же время, погодные средние цены ясачного соболя в Мангазейском, Енисейском и Якутском уездах в XVII в. и т. п.

Помимо «соболиных» книг Павловым проанализированы таможенные книги других разновидностей: отпускные, явчие, поголовного сбора, приходные денежные, записной пошлины, показаны отличительные особенности этих документов. Ученый привлек к исследованию также ценовые росписи пушнины, отписки и челобитные воевод и таможенных голов, ясачные книги. Работа Павлова, хотя и не ставила перед собой специальных источниковедческих задач, стала тем не менее значительным вкладом в источниковедение социально-экономической истории Сибири.

В его монографии дана широкая ретроспектива развития пушного промысла в Сибири начиная с первобытных времен. Ученый показал, что до присоединения края к России этот промысел был развит здесь гораздо слабее, чем в последующий период. В свою очередь, вплоть до конца XVI в. ценная сибирская пушнина поступала в государственную казну в довольно скромных объемах. Ее приток в казну, на внутренние и внешние рынки резко возрос после присоединения Сибири к России. Начало расцвета внутренней торговли пуш-

ниной относится ко второй четверти XVII в., что было вызвано «как общими изменениями социально-экономической жизни страны, углублением общественного разделения труда, специализацией районов, так и увеличением спроса на пушнину и особенно нарастанием притока ценных сибирских мехов в связи с успехами русской колонизации Сибири» [1, с. 73]. В XVII в. начинается расцвет и внешней торговли пушниной. Как в европейских, так и в азиатских странах запасы ценных пушных зверей были сравнительно невелики, поэтому Россия, которая выдвинулась в роль главного мирового поставщика этого товара в предшествующую эпоху, еще больше упрочила свои позиции.

Павлов подчеркивал, что «громадное при ограниченной ее массе значение пушнины в экономике России XVII в. заключалось в исключительно высокой ее товарности и широкой распространенности на рынках. Пушниной торговали во всех сколько-нибудь значительных центрах страны. Она была в составе экспорта во все зарубежные страны, поддерживавшие экономические связи с Россией, и способствовала расширению этих связей, распространяясь в отдаленные государства Европы и Азии и составляя во многих случаях главный предмет вывоза. Пушные товары, легкие, не скоропортящиеся, разнообразные по сортности и качеству, удобные для оптовой и розничной торговли, без труда перемещались на большие расстояния, пересекая страну из конца в конец, концентрировались на крупных ярмарках, внутренних и международных, и оттуда снова расходились в разных направлениях» [1, с. 120].

Для того чтобы лучше показать место пушнины в экономической жизни России XVII в., Павлов решил сравнить поступления сибирских мехов в это время и в последующий период – «до конца феодальной эпохи». Следует отметить, что для очень многих историков, занимающихся XVII в., 1700-й год является непреодолимой историографической преградой, за которую они ни в коем случае не позволяют себе выйти. Для Павлова такой преграды не существовало. Он полагал вполне возможным и, более того, необходимым, сравнивать данные XVII в. не только с последующим XVIII в., но и с XIX в. И такое сравнение получилось весьма продуктивным. Большую ценность имеют наблюдения автора, касающиеся объемов добываемой пушнины, соотношения мехов разных пушных зверей в структуре добычи в разное время, доли пушнины в государственном бюджете и др. Так, отмечено, что в государственном бюджете после XVII в. пушнина постепенно утратила существенное значение. Уже в конце 1750-х гг. сибирская меховая казна давала всего около 1 % государственного дохода.

Главный герой книги Павлова – соболь, который как объект охоты занимал бесспорное первое место среди пушных зверей Сибири. Из-за красивого, прочного и дорогого меха соболь считался «царем дикой пушнины» – «мягким золотом». Ученый отмечал, что «распространение соболей почти исключительно в Сибири, прекрасные меховые качества обеспечивали собольим мехам даже при перепромысле неограниченный сбыт на внутренних и внешних рынках» [1, с. 159].

Большой интерес представляют приведенные в монографии Павлова расчеты, показывающие динамику изменения численности поголовья соболей в Сибири в разное время, а также сведения об ареале расселения этого зверя и свойствах соболиных мехов в различных районах их добычи. При подготовке соответствующего параграфа историком были основательно изучены труды зоологов (В.А. Тавровского, К.Д. Нумерова и др.), содержащие информацию на этот счет.

Помимо сведений о соболином промысле и торговле соболиными мехами в монографии Павлова представлены данные о добыче и купле-продаже мехов других пушных животных – бобров, лисиц, белок, песцов, куниц, горностаев, выдр, росомех, рысей, волков и др. Однако в целом несоболиная пушнина имела в XVII в. второстепенное значение. Ее запасы к приходу в Сибирь русских «намного уступали, составляя по общей ценности около трети соболиных, недостаточно использовались и в XVII в., оставаясь резервом, пока не было подорвано соболиное поголовье» [с. 159]. Русский профессиональный пушной промысел вплоть до последней четверти XVII в. был промыслом соболиным. Все прочие звери добывались попутно.

Подробным образом Павлов рассмотрел производственно-техническую и экономическую стороны организации пушного промысла. Он детально проанализировал различные способы соболиного лова и применявшиеся при этом орудия и технические приспособления (например, кулемы – самоловные орудия давящего действия). При этом ученый применил междисциплинарный подход, привлекая к исследованию труды специалистов-охотоведов. Павлов изучил особенности внутренней организации промысловых ватаг, распределение обязанностей между их отдельными членами. Ученый привел сведения о том, как формировались промысловые «ужины», состоявшие из «хлебного запаса» (продукты) и «промышленного завода» (охотничьи и рыболовные орудия, инструменты, обувь, одежда и т. д.). Немало выявленных Павловым сведений представляет интерес с этнографической точки зрения. В монографии представлены данные о размерах добычи, приходившейся на одного охотника, а также расчеты доходности сибирской пушной охоты и численности охотников (в Восточной Сибири в 1670-е гг. было не менее 1300, а в Западной – около 500 постоянных охотников-промышленников, к концу XVII в. во всей Сибири действовало свыше 3000 профессиональных охотников). В книге содержатся материалы о развитии меховой промышленности в Сибири, ассортименте и стоимости изготовлявшихся изделий и полуфабрикатов.

Вторая монография П.Н. Павлова – «Промысловая колонизация Сибири в XVII в.» [2] опубликована в Красноярске в 1974 г. уже после его кончины. Эта книга тематически связана с предыдущей и является ее продолжением. Основное внимание в ней автор уделил «народной струе промысловой колонизации», которая представлялась автору наиболее существенной и наименее изученной. В монографии прослежены тер-

риториальное и социальное происхождение рядовых охотников и мелких предпринимателей, маршруты их передвижений в Сибири, степень прочности связей с новым краем и первоначальной родиной, особенности формирования промысловых семей, отношения промышленников с коренным сибирским населением, социальные процессы в мелкотоварном укладе, проявления социальных конфликтов в среде промышленников. При рассмотрении истории крупного пушного промысла автор сконцентрировался прежде всего на непосредственных добытчиках пушнины – «покрученниках». Можно сказать, что если в первой книге Павлова главным героем является соболь, то во второй – охотник-промысловик, который этого соболя добывал, и торговец, который этим соболем торговал.

Основными источниками, как и в первой работе, являлись таможенные книги. Теми же остались в основном и территориальные рамки исследования: в нем использовались главным образом материалы, относящиеся к Мангазейскому, Енисейскому, Якутскому и Илимскому уездам, которые составляли в XVII в. главный пушной промысловый район (в 1620–1680-е гг. на эти уезды приходилось свыше $\frac{3}{4}$ естественных запасов соболей и свыше 90 % их русской добычи в Сибири).

Павлов рассмотрел различные аспекты ясачной политики, которые так или иначе были связаны с русским пушным промыслом. Получение ясака с местного населения являлось важнейшей целью московского правительства в эпоху присоединения Сибири. Автор отметил в своей первой книге, что «охота на пушных зверей для уплаты ясака имела характер своеобразного промысла, потому что продукция ее шла не на внутреннее потребление, для получателя (государства) она имела товарное значение, а для охотников оставалась натуральной, не считая небольших подарков, корма и угощения во время уплаты ясака, да и те доставались больше не тем, кто непосредственно добывал пушнину, а родоплеменной верхушке» [1, с. 10]. В монографии описаны разного рода злоупотребления, которые происходили во время сбора ясака и носили массовый характер, а также меры, принимавшиеся правительством для борьбы с ними.

Заметное место в монографии уделено вопросам отношения государства к частному пушному промыслу, который облагался натуральным десятинным сбором – промысловым налогом (подобный сбор взимался в XVII в. также со слюдяного, соляного, рыбного, зверового морского и других промыслов). Павлов отметил, что промысловый налог взимался государством на совершенно иной основе, чем ясак. «Он не связывался с определенными угодьями, не был феодальной рентой. Государству безразличен был персональный, национальный и социальный состав промышленников, хотя, конечно, действительное положение предпринимателей и рядовых охотников было неодинаково. Для государства десятинный сбор с промысла не отличался от десятинного торгового сбора, одинаково с ним назывался таможенной десятинной и при сборе смешивался с ним, а собственно таможенная десятинная пошлина рассматривалась как налог с торгового промысла. Пушнина, купленная в Сибири, в

конечном итоге облагалась двойной десятинной пошлиной: за промысел и за перекуп» [2, с. 21].

Павловым были выполнены расчеты с целью определить соотношение ясачных и десятинных поступлений пушнины. Было установлено, что в 1620–1680-е гг. казна получила свыше $\frac{3}{4}$ сибирских соболей в качестве ясака с поминками и несколько меньше $\frac{1}{4}$ в порядке десятинного сбора с частного, в подавляющем большинстве русского, промысла и с торговли. При этом ясачная пушнина государству обходилась дороже, поскольку, как отметил историк, «с ясаком были связаны затраты государства на подарки ясачным людям, корм аманатам (заложникам, взятым под гарантию уплаты ясака. – А. Р.), содержание ясачных сборщиков и в значительной мере всех служилых людей и администрации; десятинная пошлина доставалась государству без всяких материальных расходов» [2, с. 21].

По мнению Павлова, торговая деятельность казны в Сибири не шла ни в какое сравнение с размахом торговых операций русского купечества, а государственный и частный промыслы были между собой просто несопоставимы. «Правительство, без всяких хлопот получая значительно больший доход от частного пушного промысла и торговли, чем от собственного предпринимательства, до конца XVII в. поощряло частную инициативу, особенно не заботясь о последствиях, стремясь при этом не упустить свою долю. Торговые, промышленные, служилые люди, в свою очередь, делали все возможное, чтобы утаить от властей пушнину и другие товары с целью избежать уплаты десятинной пошлины» [2, с. 28]. Однако, продолжает историк, власти не только знали о злоупотреблениях, но и прекрасно были осведомлены о технических тонкостях утайки пушнины. Интересно, что утаенная пушнина при обнаружении конфисковывалась далеко не всегда. С нее взыскивалась обычная пошлина и штраф – «протаможье». Павлов указывает, что в Мангазейском уезде в 1620–1630-е гг. размер протаможья составлял 2 руб. 4 алтына 1,5 деньги, причем он не зависел от количества утаенной пушнины. Надо заметить, что точно такой же размер в XVII в. имел протаможный сбор, а также штраф за незаконную торговлю спиртным («заповедь») и в городах Европейской России (например, в Курске, Вязьме, Устюге).

В монографии Павлова рассмотрены взаимоотношения, складывавшиеся между русскими промышленниками и местным населением, обложенным ясаком, практика использования ими охотничьих угодий. Автор отметил, что у русских было три способа занять угодья, принадлежавшие аборигенам: захват силой, приобретение покупкой или в аренду и самовольный промысел. Первый способ не действовал, так как для его реализации требовалась поддержка государства или хотя бы его согласие, но такового не давалось, ибо правительство оберегало ясачные угодья в своих интересах. Что же касается покупки и аренды, то здесь также требовались определенные условия, прежде всего возможность передачи охотничьих участков ясачным людям и положительное отношение к этому властей. Такие условия сложились не сразу и не повсеместно.

На пути мирного овладения угодьями препятствия постепенно устранялись и противоречия между русскими промышленниками, ясачными людьми и государством исчезали. Однако такой способ дал более или менее заметные результаты лишь в конце XVII в. В период же массового движения русских в Сибирь наибольшее распространение получила их самовольная охота. Это неизбежно вызывало недовольство коренных жителей. Павлов приводит многочисленные примеры вооруженных нападений на русских промышленников со стороны туземцев, стремившихся сохранить за собой промысловые угодья. Отмечены случаи, когда и русские грабили местное население. Но при этом, подчеркнул автор, о крупных организованных нападениях русских промышленников на аборигенов (не считая их участия в официальных военных экспедициях на «немирных иноземцев») сведений в источниках нет.

Пристальное внимание Павлов уделит истории формирования промыслового населения Сибири. Детальным образом им был рассмотрен, в частности, вопрос о социальном и территориальном происхождении промышленников. В промысловом движении в Сибирь участвовали представители различных социальных категорий, но подавляющее большинство составляли неоднородные в имущественном и частично в социальном отношении чернососные крестьяне и посадские люди. Служилые люди, хотя и составляли вплоть до начала XVIII в. наиболее многочисленную категорию русского населения Сибири, в непосредственной добыче пушнины значительно уступали промышленным и торговым людям.

Сам же термин «промышленный человек» отличался известной широтой и во время массового промыслового движения в Сибирь (примерно до последней четверти XVII в.) отражал, по мнению ученого, не только род занятий, но и имел в известной мере юридический смысл: обозначал свободу от тягла на территории Сибири и фиксировал обязанность платить промысловый налог и различные таможенные сборы. Промышленным человеком был всякий русский, не состоявший на государственной службе и не записанный в Сибири в тягло.

Что же касается территориального происхождения промышленников, то подавляющее большинство из них были выходцами из Русского Поморья. По подсчетам Павлова, около 2/3 всех промышленников, добывавших в XVII в. соболей в основном промысловом районе Сибири, представляли Центральное Поморье и чуть меньше трети – Северное Поморье. При этом историк установил, что относительная интенсивность промыслового движения из Северного Поморья была значительно выше, чем из Центрального. На первом этапе колонизации (в 1620–1670-е гг.) русские промышленники сохраняли все многообразие связей как со своей первоначальной родиной, так и новым краем от единовременного посещения Сибири до постоянного поселения там. Промышленник зачастую представлял собой переходный тип между отходчиком и постоянным жителем Сибири. Ученый констатировал, что «уже наличие в Сибири более или менее постоянного, хотя и не осевшего в определенном пункте местного промыслового населения, дает

основание рассматривать промысловое освоение как составную часть русской колонизации Сибири».

Подробным образом Павлов проанализировал эволюцию мелкотоварного уклада и крупного предпринимательства в сибирском пушном промысле в XVII в. В среде мелких промышленников автор выделял «своеужиников» и «покрученников». Эти специальные термины отражали конкретное экономическое положение упомянутых категорий и в известной мере определяли их социальное положение: если первые располагали своими «ужинами» (продуктами и снаряжением для ведения промысла), то вторые были лишены таковых. При этом немногочисленная, но сословно неоднородная группа крупных промышленников собирательного названия в XVII в. не получила. Павлов сделал вывод, что во время массового промыслового движения в Сибирь условия организации крупного и самостоятельного мелкотоварного промысла были в принципе равными. «Покрученники крупных предпринимателей и самостоятельные мелкие и средние промышленники вместе охотились в угодьях ясачного населения, одинаково встречали со стороны последнего отпор и часто действовали в составе смешанных промысловых партий» [2, с. 146]. На втором этапе промысловой колонизации, когда в связи с резким падением добычи соболя большинство крупных предпринимателей покинули Сибирь или обратились исключительно к торговле, а большинство мелких промышленников прочно обосновалось на своей новой родине, произошли количественные и качественные изменения в соотношении укладов: в непосредственной добыче пушнины мелкий промысел постепенно стал господствующим.

Важное значение в работе Павлова приобрел дискуссионный вопрос о сущности покруты на соболином промысле. Историк отметил, что название покруты как договора о найме, связанного в той или иной мере с кабалой, не раскрывает ее социальной сути. В сибирском пушном промысле XVII в. покрута принадлежала к капиталистическому типу, но капиталистические элементы в ней были выражены неотчетливо. «Покрута, – писал Павлов, – испытывала на себе влияние господствовавших в стране феодальных отношений, но по содержанию не была феодальной» [2, с. 181]. В частном сибирском промысле отсутствовала феодальная рента. Промысловый налог не был связан с пользованием определенными охотничьими угодьями. В отличие от феодально зависимых людей покрученники не имели никаких средств производства. При этом к моменту заключения письменного или устного договора о покруте они являлись лично свободными людьми. Покрута на соболином промысле в XVII в. была примитивным по форме капиталистическим наймом, связанным через кабалу с личной зависимостью покрученника от нанимателя.

Диалогия Павлова обеспечила, таким образом, стереоскопичное освещение многогранной истории пушного промысла и промысловой колонизации Сибири в XVII в. Монографии ученого стали значительным вкладом в отечественную историческую науку. Они актуальны и востребованы до сих пор. По богатству и разнообразию

приведенного в них фактологического и статистического материала их можно считать своего рода историческими энциклопедиями сибирского пушного промысла и пушной торговли XVII в. Остается надеяться, что книги замечательного историка Павла Николаевича Павлова, опубликованные в свое время в региональном издательстве сравнительно небольшими тиражами, будут переизданы и обретут новых благодарных читателей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Павлов П.Н. Пушной промысел в Сибири XVII в. Красноярск, 1972.
2. Павлов П.Н. Промысловая колонизация Сибири в XVII в. Красноярск, 1974.

*Статья поступила
в редакцию 28.11.2013*

УДК 94(57)1916/1919

Н.Ю. ПИВОВАРОВ

**ОТ ОБЪЕДИНЕНИЯ К ПРОТИВОСТОЯНИЮ:
ИЗ ИСТОРИИ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ СОЮЗА СИБИРСКИХ
КООПЕРАТИВНЫХ СОЮЗОВ (ЗАКУПСБЫТА) И ЦЕНТРОСОЮЗА
В 1916–1919 гг.**

Институт истории СО РАН, г. Новосибирск
e-mail: pivo1988@gmail.com

Целью статьи является изучение истории взаимоотношений двух крупнейших российских кооперативных союзов – Московского союза потребительских обществ (с 1917 г. – Центросоюз), являвшегося общероссийским кооперативным объединением, и Союза сибирских кооперативных союзов (Закупсбыта), объединившего сибирскую потребительскую кооперацию. Этот вопрос до сих пор не нашел должного освещения в научно-исследовательской литературе, хотя и является ключевым для понимания роли центра и периферии в истории российского кооперативного движения. Опираясь преимущественно на делопроизводственную документацию и материалы периодической печати, автор пришел к некоторым выводам. Динамика взаимоотношений Закупсбыта и Центросоюза на протяжении 1916–1919 гг. включала в себя как взаимовыгодные соглашения, так и острую конкуренцию за рынки сбыта и закупки товаров. Закупсбыт, основанный на федеративных началах, в глазах многих кооператоров востока России стал реальной альтернативой авторитарному Московскому союзу. Однако руководство общероссийского кооперативного объединения попыталось ограничить масштабы роста влияния Союза сибирских кооперативных союзов, введя принцип «двучленства», предоставив право сибирским кооперативным союзам являться одновременно пайщиками и Закупсбыта, и Московского союза. По мере расширения сфер деятельности Закупсбыта и усиления социально-экономического кризиса руководство Союза сибирских кооперативных союзов осуществило переход от федеративной к централизованной системе управления. Формально различия между двумя крупнейшими кооперативными союзами свелись лишь к незначительным идейным разногласиям. Главным лейтмотивом взаимоотношений двух ведущих российских кооперативных союзов была борьба за финансы сибирской кооперации, итогом которой стал окончательный разрыв отношений.

Ключевые слова: Центросоюз, Закупсбыт, Московский союз потребительских обществ, сибирская кооперация, потребительские кооперативы, кооперативные союзы, пайщики, федеративное управление, централизованное управление.

Последнее десятилетие XIX в. стало поворотным в истории российского кооперативного движения. В эти годы благодаря изменившимся социально-экономическим условиям начался стремительный рост численности первичных кооперативов. Руководители разрозненных до той поры потребительских обществ заговорили о необходимости координации и объединения усилий. По итогам ряда совещаний в 1898 г. был создан Московский союз потребительских обществ (МСПО), ставший первым российским кооперативным союзом. И хотя организация Московского союза являлась важным шагом для всей российской потребительской кооперации, внутреннее его устройство довольно скоро стало вызывать споры в кооперативной среде. Дело в том, что по уставу МСПО являлся коо-

перативным союзом первой степени, т.е. в него могли входить только низовые потребительские общества. Лишь в 1913 г. на Втором Всероссийском кооперативном съезде в Киеве были внесены поправки в устав, которые допускали членство и потребительских союзов. Однако вплоть до 1917 г., до преобразования МСПО в Центросоюз, основное внимание руководство Московского союза уделяло низовым кооперативам преимущественно из европейской части России. Крупные заказы кооперативных союзов ставились в один ряд с заказами небольших по объему деятельности потребительских обществ. Фактически отсутствовала организационная связь с отдаленными региональными сельскими кооперативами, например, с сибирскими и дальневосточными.